

НАСТОЯЩИЙ ТАЛАНТ

Однажды собрались люди и стали рассматривать старые фотографии. С пожелтевшего, с обломанными, затертыми углами глянца наприжненно и старательно смотрели на них худенькие, большеглазые лица, чуть смешные, чуть трогательные. И одевонка на них угрюмая, серая, рукава потертые, и ботинки тяжелые, не по-детски неуютные, и волосы длинные, нечесаные.

Да, тогда было очень тяжело мальчишкам и девочкам, которые составили в Харьковском ремесленном училище трудный набор 1943 года.

На свои пожелтевшие фотографии пятнадцатилетней давности смотрели инженеры, педагоги, научные сотрудники. И одна актриса. Да, актриса была только одна. Но ее уже знали все — и не только в этом зале, но и во всей республике. Это была Евгения Мирошниченко, лауреат международных конкурсов, заслуженная артистка УССР, солистка Театра оперы и балета имени Т. Шевченко.

...Из войны ей запомнились бесконечные дороги. Чудом они — мать и три дочки — спаслись от смерти.

Мать и три дочки остались живы, но без отца: он погиб.

Поэтому на одиннадцатом году Женя решила пойти в ремесленное училище. Очень она была маленькая, но взяла. Теперь уже неважно было, сколько ей лет, важно, что она училась на слесаря-сборщика радиоаппаратуры.

Занимались без света и отопления, с выбитыми окнами. Было трудно. И все-таки Женя пела. Она была веселая, обыкновенная девочка в форменном платье, с косичками.

Именно такой — с косичками, с красными от холодной воды руками, с огромной полой тряпкой, веселой и поющей увидела ее комиссия, проверявшая работу дежурных по общежитию. Весна еще только начиналась. Женя отодрала грязную бумагу, вату и, упершись что есть силы руками, открыла окно. И запела еще заливистой, еще звонче — как поют только в пустой комнате. А комиссия слушала...

С самостоятельностью трудовых резервов она побывала в Киеве, Москве. Пятнадцатилетняя девочка на весь Большой театр бойко распевала «Двух ласточек».

Но когда в Киеве привели ее к одной преподавательнице в консерваторию и та, взяв ее за руку, сказала: «Способная, хорошая девочка, я ее беру», Женя вдруг испугалась, вырвалась и убежала.

Ей тогда казалось: да, пою, ну и что? Все поют. А певички наперечет. Думала, что певичками рождаются в одно прекрасное утро...

Все же ее привели в консерваторию. И оказалось, что здесь не только поют. Певичке надо знать и историю музыки, и теорию, и эстетику, и политэкономии. У нее же не было даже десятилетки. Было очень тяжело, опускались руки. За дверьми кон-

серватории поджидал легкий успех — уже прямо сейчас, без всяких дипломов, ее приглашали на гастроли знаменитые коллективы.

Но о голосистой девочке помнили, о ней заботились самые разные люди — и директор ее ремесленного училища, и руководитель Харьковского ансамбля трудовых резервов, и педагоги из консерватории, и даже совсем ей незнакомые, очень занятые и очень известные в республике люди. Они верили в нее. Пела она всегда отлично, но получала неизменно «тройку». Педагог чутко охраняла уже известную Мирошниченку от преждевременного упоения успехами.

На пятом курсе «троечнице» предложили дебют в театре имени Шевченко. Она с блеском спела Виолетту и на госэкзамене получила за-

служенное и теперь уже совершенно безопасное и чистосердечное «пять».

Певунья Женя стала певичей Евгенией Мирошниченко. На сцене Театра оперы и балета имени Шевченко она спела весь классический и украинский репертуар колоратурного сопрано — «Руслан и Людмила», «Риголетто», «Богема», «Милана»... Она с успехом выступила на конкурсе Всемирного фестиваля молодежи в Москве и на одном из самых трудных конкурсов вокалистов в Тулузе. Здесь, где жюри сидело в ложе, задрнутой занавеской, и не могло видеть певцов, из двухсот голосов всех стран мира был отмечен этот, возвращенный не в теплицах музыкальных святлиц, а среди первых робких весенних цветов вставшей из пепла Украины.

В. ИВАНОВА.

Московская правда
23.XI.60.